

ТАЛАЛИХИН

Ну и лунная же была ночка с 6 на 7 августа 1941 года!..

— Эх, жуки, луна-то какая над Москвой! В такую луну только с девчатами под яблонями разговаривать, — пошутил Виктор Талалихин. Младший лейтенант, истребитель, любимец эскадрильи, умел шутить в самую трудную минуту жизни. Низкорослый, плотный, коренастый. И живой, как вьюн. Карие, с золотинкой глаза всегда посмеиваются, всегда горят веселым и жарким огнем молодости. Самый юный в эскадрилье. «Малыш», зовут его товарищи-летчики.

— Эх, жуки, луна-то какая над Москвой! — снова повторил Виктор Талалихин. Но быстрые глаза его смотрели серьезно и пронизательно. Не о девчатах, не о яблонях думал Малыш. Кипело молодое сердце гневом к проклятому фашистскому воронью. Никогда Москва не казалась Виктору Талалихину такой любимой и прекрасной, как в эти ночи. Жарким взглядом обжег Малыш свой родной ястребок, который уже давно был наготове.

Раздался боевой приказ. Летит черное воронье, снова пытаюсь прорваться к Москве. Соколы смелые, вылетайте навстречу фашистским стервятникам!

Полетели наши советские истребители наперехват немецким бомбардировщикам.

В районе деревни Н. на высоте 4 500 метров был замечен фашистский самолет. Виктор Талалихин получил приказ перехватить врага.

Малыш молниеносно стартовал, набрал высоту и стремительно помчался наперез фашисту.

Высоко взвился ястребок Малыша. Сейчас должна произойти встреча с гитлеровским разбойником. Только об одном думал Талалихин: скорей бы заметить ненавистную машину, броситься на нее, ранить ее смертельно, не допустить к родным воротам Москвы!

Зловещий фашистский бомбардировщик тяжело плыл по небу. Холодный гитлеровский подполковник, начальник экипажа, матерый фашистский волк, злобно предвкушал, как он будет бомбить столицу

Советского Союза. Злодей уже мысленно видел, как разлетаются вдребезги наши любимые кремлевские звезды. Злодей уже мысленно слышал, как кричат наши женщины и плачут дети. Этот плач советских детей и женщин казался самой желанной музыкой фашистскому людоеду. На его груди блестел железный крест, полученный им в 1939 году за зверскую расправу с поляками. На рукаве его серого кителя красовалась фашистская эмблема за разгром Нарвика в 1940 году. Он то-ропил остальных трех, этот оголтелый гитлеровец. Скорей, скорей!

Малыш острым глазом наблюдал за небом. Он заметил вражеский самолет. Как вор и убийца, крадся фашистский бомбардировщик к Москве.

— Ага, вот ты где, бандит, гадюка!.. — И Виктор Талалихин решительно пошел на сближение.

Расстояние между ястребком и немецким бомбардировщиком все уменьшалось. Малыш зашел неприятелю в хвост и увидел фашистскую свастику. Черный паук! «Хейнкель»! Двухмоторный бомбардировщик «Хейнкель-111»!

Стервятник встрепенулся. Заметив опасность, он рванулся в сторону.

Не тут-то было!

— Не бывать тебе, гадине, над Москвой! — всердцах крикнул Талалихин и дал по фашистскому самолету первый залп.

Прицел был меток. Правый мотор «Хейнкеля» вспыхнул, задымился. Первая же очередь свинцового огня нанесла ему рану. «Хейнкель» не ответил на огонь. «Хейнкель» прибавил скорость и пустился удирать.

Крылатый конь Малыша встал на дыбы. Сделав правый боевой разворот, он снова угостил «Хейнкеля» свинцовой очередью.

Ошарашенный фашист метался из стороны в сторону. Потом вдруг резко развернулся, изменил курс и пошел на снижение. Это была уловка. Малыш понял: снижаясь, фашист хотел скрыться от погони.

— Понимаем... Впритирочку к земле хотите... Хвастуны!

Виктор Талалихин снизился вместе с бомбардировщиком до высоты 2500 метров и продолжал стрелять.

— Вот тебе! Вот тебе, гадина! — шептал пилот. — За Москву! За родину! За Сталина!

Пулеметы работали бесперебойно. «Хейнкель» не отвечал, стараясь увильнуть от напористого ястребка. Должно быть, неожиданная атака ошеломила немецких летчиков, и они еще не опомнились.

Смело подвел Малыш свой ястребок еще ближе. Только десять метров отделяли его от бомбардировщика.

Заговорили пулеметы «Хейнкеля». Почуввав гибель, фашисты свирепо отбивались. Ливень пуль обрушился на Малыша.

Но только расчетливей и хладнокровней стали движения молодого лейтенанта. И сказал себе Малыш строго:

— Не горячись, Витька, смотри в оба!

То стремительно взвиваясь, то хитро падая, то снова взвиваясь, чтобы уклониться от свинцового ливня, ястребок продолжал погоню. Руки Талалихина беспрерывно нажимали гашетку пулемета. Шесть раз повторил молодой пилот свои атаки, мастерски прикрываясь... стабилизатором врага.

Не выдержал фашистский волк этой упорной погони и еще быстрее пустился наутек. Он был опытен. Ловко, умело ускользал от огня и шел вперед.

«Уйдет! — тревожно подумал Малыш, поливая врага горячим свинцом. — Уйдет, собака!»

И тут, как назло, иссякли все патроны.

— Уйдет, уйдет, стервец! — уже вслух сердито вскричал Талалихин.

Обида обожгла его сердце. Упустить из своих рук врага, упустить, когда он совсем рядом... Нет, это невозможно! Ни за что!

Малыш летел в хвосте бомбардировщика, напрягая мысли, принимая решение. Так они мчались оба молча несколько секунд...

Фашистский стервятник обрадовался: истребитель молчит. Стервятник улепетывал «на всю железку», как любят говорить пилоты. Малыш гнался за ним по пятам, соображая, что предпринять.

— Нет, не уйдешь! — упрямо крикнул Талалихин. — Иду на таран!

Он принял решение: беспощадно таранить врага.

— А ну-ка, саданем его, Витя...

Ястребок ловко подошел к бомбардировщику с хвоста. Вот он совсем близко. Уже видно его бронированное брюхо. Талалихин подстерег нужную секунду и размахнулся, чтобы рубануть винтом по хвосту, отрубить хвост у черного гада...

Внезапно из хвостовой точки немецкого самолета сверкнул огонь. «Хейнкель» ударил по ястребку из крупнокалиберного пулемета.

Лицо Талалихина исказилось от боли. Фашистская пуля пролетела со свистом с правой стороны его кабины, сильно обожгла руку молодого пилота и вылетела рикошетом. Но еще сильнее, чем пуля, обожгла Малыша ненависть. Еще крепче сжала его раненая рука штурвал.

Виктор Талалихин резко дал газ и вдруг обрушился на «Хейнкеля». Не винтом уже — всей своей машиной, всем своим сильным ястребком протаранил бесстрашный комсомолец врага.

О чем он думал в этот миг, отважный юноша? Или, быть может, это мгновение было просто страстным порывом юного и гордого сердца? Нет, он думал. И думал отчетливо, с острой, как лезвие, злобой к врагу.

«Если я погибну, так один... а их четверо... Они летят на Москву, сволочи... Пусть я погибну, но они сдохнут все четыре!»

Раздался страшный треск. Охваченный жарким пламенем и дымом, «Хейнкель» рухнул вниз.

А ястребок Малыша? Ястребок перевернулся вверх колесами — ястребок ранен. Он не держится в воздухе. Еще секунда — и погибнет.

*Герой Советского Союза летчик-истребитель
В. В. Талалихин.*

отважный, веселый Малыш, любимец всей эскадрильи, храбрый пилот, уничтоживший четырех фашистских головорезов и спасший десятки советских человеческих жизней.

Нет, не хочет погибать Виктор Талалихин! Он напрягает всю волю, все силы. «Высота—2500 метров. Так. Надо выброситься с парашютом».

Малыш отстегивает левой рукой ремень... Еще мгновение — и вот он камнем летит вниз. Мысль его работает четко, холодно. Так учила Красная Армия. Восемьсот метров летит молодой пилот затаженным прыжком, не раскрывая своего парашюта. Надо, чтобы падающий ястребок пронесся мимо, тогда можно раскрыть парашют.

И вот он слышит гул. Это пролетает мимо, обгоняя его, раненый истребитель.

— Ну, теперь, Витька, пора... Раскрывай парашют!

Обожженными пальцами

дергает он кольцо. Рывок. Малыш осматривается. И видит далеко внизу пламя горящего «Хейнкеля».

И вот Талалихин опускается в озеро... Фыркая, отряхиваясь, выплевывая противную стоячую воду с болотной тиной, Малыш выбирается на берег. Вот он стоит, мокрый с головы до пят. Струйки воды стекают с его осунувшегося лица. Он едва держится на ногах. У него горят виски, болит рука. Первое, что ему почему-то хочется узнать, — который час. Он всматривается в циферблат своих часов. Часы остановились. Стрелки показывают 23 часа 28 минут. Он озирается вокруг. И вдруг его охватывает чувство радости:

«Жив! Жив!.. Земля!.. Родная советская земля!.. Лягушки... Влажная пахучая трава... А те четверо подошли... Я их уничтожил. Я уничтожил их! Собакам — собачья смерть!»

Малыш жив. Вот его ноги, вот его руки, вот его голос!..

Он полон счастья, любви к родной земле, к Москве, к советским людям.

Советские люди... Вот они бегут прямо к берегу, прямо к нему. Бородатые колхозники, старики, парни, девушки, босоногие подростки.

Родные руки обнимают его, родные губы целуют его мокрые грязные щеки.

— Голубчик, жив?

— Соколик ты наш!

— Ай, батюшки, с этакой высоты сиганул!

— Бабы, дайте человеку вздохнуть, разинули рты-то...

— Цел? Скажи хоть слово, сынок. Цел ай нет?

Родные русские голоса. Карие, с золотинкой глаза Талалихина загораются обычным огоньком, веселым и жарким.

— Цел, товарищи... Только вот воды малость хлебнул,— весело говорит Малыш.

— Батюшки! А рука-то! — пронзительно вскрикнула женщина.

Только сейчас все заметили окровавленную, повисшую, как надломленная ветвь, руку летчика. И сам Талалихин только сейчас вспомнил о ней и сразу же почувствовал острую боль.

— Рука... — пробормотал он.— Обожгли... пулеметом.

Чьи-то ловкие девичьи пальцы бережно перевязали руку.

Дружной гурьбой колхозники повели Виктора Талалихина в деревню. Пахнуло теплом избы. Кто-то стаскивал с него мокрые сапоги. Кто-то протягивал ему валенки, сухую рубаху.

— Не побрезгуй, родимый, чистая...

Появилась кринка с парным молоком. От молока пахло сеном, телятами, чем-то бесконечно родным. Талалихин сидел, как в своей семье, жадно ел свежий ржаной хлеб, пил молоко. На него с любовью смотрели десятки глаз.

И вдруг все увидели — он очень молод, совсем парнишка...

В. В. Талалихин у протараненного им фашистского бомбардировщика. Груда бесформенных обломков — вот все, что осталось от вражеского «Хейнкеля».

— Молоденький-то какой! — растроганно воскликнула одна из матерей.

Мужчины запрягли лошадь. Летчик Виктор Талалихин поехал в свою часть.

Друзья-пилоты, волнуясь, бежали навстречу.

— Малыш! Витька! Талалихин!

И слышали знакомый веселый голос Малыша:

— Эх, жуки, ночь-то какая лунная!..

Старый командир и учитель Талалихина майор Королев по-отечески обнял пилота.

Недалеко от березовой рощи горел протараненный Виктором Талалихиным немецкий бомбардировщик. Гора обломков. Разбитые моторы, скрюченные крылья, обгоревший пропеллер, пулеметы. Вот все, что осталось от «Хейнкеля». Тут же валялись немецкие бомбы, патроны.

Малыш с товарищами примчался на автомобиле к березовой роще.

— Где... эти? — жестко сказал Малыш, оглядываясь.

Протараненный бомбардировщик рухнул на землю с такой силой, что трупы фашистских летчиков выбросило далеко из самолета. Холерный подполковник, этот матерый гитлеровский холуй, лежал, вцепившись отполированными ногтями в землю. На барском пальце мерцал перстень с фамильным вензелем. На сером кителе — железный крест. «Асс»! Трое других были одеты в русские рубашки. Где они их украли, эти молодчики?..

Виктор Талалихин сурово смотрел на распластанные трупы. Ничего, кроме отвращения, брезгливости и презрения к этим уничтоженным его рукой немецким летчикам, он не испытывал. Это были злодеи, которые хотели смерти его отчизне. Разбойники, которые зверски насильовали женщин и девушек, расстреливали детей, закапывали живьем стариков. Палачи, которые протягивали свои кровавые, грязные лапы к Москве, к любимой столице, где камень каждого нового здания, ветка каждого нового дерева были политы потом советского человека.

В кабине вражеского самолета Малыш нашел план Москвы, браунинги, ножи. В карманах немецких вояк лежали пачки наворованных денег, штопор, порнографические открытки. Падаль, а не люди... Малыш отвернулся.

...Рано утром все москвичи, все жители советской земли слушали по радио о смелом таране Виктора Талалихина. Слушали и говорили с восторгом и благодарностью:

— Какой богатырь! Какая железная воля! Это настоящий сын родины. Спасибо ему. Хоть бы посмотреть одним глазком на него!

Наутро все увидели в газетах портрет Виктора Талалихина и снимок с протараненного им немецкого бомбардировщика, возле которого лежали четыре фашистских трупа. У Виктора оказалось совсем юное лицо. Комсомолец. Двадцатитрехлетний простой парень. Таких у нас тысячи.

Мы все смотрели на это милое молодое лицо, мы читали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении летчику-истребите-

лю младшему лейтенанту Талалихину звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». И думали: «Значит, и я могу быть таким?»

В самом деле, кто такой Герой Советского Союза Виктор Талалихин, откуда взялась в нем эта богатырская сила, эта стальная воля, эта непримиримость к врагам трудящегося человечества и страстное желание сокрушить их, сокрушить любой ценой? Почему с таким восторгом и твердостью, с таким презрением к смерти говорит он себе, мчась в высоком советском небе наперерез фашистским стервятникам: «Иду на таран»?

...Героя не было на свете, — мать еще носила Малыша под сердцем, — когда кулаки схватили его брата, Павлушу Талалихина, такого же кареглазого, как Виктор Талалихин, такого же горячего, честного, полного жажды жизни, такого же юного... Нет, он был еще моложе, Павлуша Талалихин. Ему едва минуло семнадцать лет.

Семья Талалихиных жила в волжской деревне Тепловке. Василий Иванович был штукатуром. Часто уходил за Волгу на заработки. Вера Ивановна оставалась с тремя сыновьями: Павлушей и малолетками Колей и Шурой. Жили бедно. Была заветная мечта: хоть бы выучить старшего, Павла, хоть бы вывести его в люди. Вот для этого и гнула целыми днями спину Вера Ивановна, для этого и уходил так часто за Волгу Василий Иванович. Как они радовались, когда Павлушу приняли в семинарию! В новой рубахе, в новом картузе, счастливый, взволнованный, поехал Павлуша учиться в город Вольск.

В первые же каникулы мать не узнала своего любимца. Он стал молчалив. Брови над его карими глазами были сдвинуты. Он часто задумывался, глядя в одну точку.

— Ты что, сынок, ты о чем все думаешь? — тревожно спрашивала Вера Ивановна.

Павлуша вздрагивал, улыбался:

— О жизни думаю, мама...

— О жизни? Да неужто, кроме тебя, сынок, некому о жизни подумать? Шел бы в бабки играть.

По ночам Павлуша читал книги. Засветит лампу и читает.

— Павел, керосин жжешь! — прикрикнула раз всердцах мать.

— Ах, мама, кабы ты знала, какие интересные книги я читаю, ты бы обмерла, — отвечал ей Павлуша.

Матери стало страшно. Тайком собрала книжки, которые сын прятал под половицей, привязала к ним камень, снесла на пруд, утопила.

В эту ночь Павлуша не жег керосина. Лежал в темноте с открытыми глазами.

— Ты серчаешь, сынок? — спросила мать виновато.

— Такие книжки в огне не горят и в воде не тонут, мама, — серьезно ответил Павлуша.

Скоро за недозволенное чтение Павлушу выгнали из семинарии.

Вместе с ним из семинарии выбросили еще семь подростков. Вера Ивановна тихо плакала.

— Рисковый ты у меня. Отец на войну пошел. Тебя выгнали. Хлеба нет. Что будем делать?

А потом началась гражданская война. В Тепловку пришла Красная Армия. Уходили отряды добровольцев на фронт драться с деникинцами, с колчаковцами. Уходили драться за землю свою, за счастье свое, за детей своих.

Павлуша записался в партизанский отряд. Он ворвался в избу, как свежий весенний ветер. Его глаза горели.

— Ну, матушка родимая, до свиданья, — сказал он. — Ухожу с партизанами белых битъ.

Мать заплакала. Босоногие Шурка и Коля подбежали к ней, стали гладить, утешать.

— Глупые вы мои, желанные вы мои, помрете с голоду, — прошептала мать.

— Не помрут! — резко вскричал Павлуша, собирая походный мешок. — За то иду, чтобы жили.

И ушел драться с белогвардейцами.

А потом Тепловка попала в лапы к белым кровососам. Павлуша пришел навестить мать, которая должна была скоро родить. Она должна была родить Малыша — будущего бесстрашного пилота.

Раздался грубый стук в дверь. Кулачье подсмотрело и выдало Павлушу белым офицерам.

— Вот этот парнишка у них, у красных... доброволец. Красный дьяволенок. Немало мы от него, змееныша, натерпелись.

— Ты за красных, щенок? — спросил офицер, наступая на Павлушу.

— Конечно, не за тебя, белая собака! — ответил гордо и просто Павлуша. И закачался от свирепой офицерской пощечины.

Павлушу повели. Они били его прикладами, эти сволочи.

— Мама, родная! Шурка! Колька! Прощайте. Не боюсь я смерти от белых гадов! — крикнул Павлуша страстным голосом.

Шурка и Колька схватили сваренные матерью яички, которые так и не успел съесть Павлуша, и побежали за братом.

— Павлуша! Павлуша! Возьми! — звали они.

Мальчуганы догнали любимого брата, обняли его ноги в худых сапожонках. Белогвардеец, как котят, схватил Кольку и Шурку за шиворот и швырнул их в канаву. Покатились яички, припасенные матерью для сына...

Эту минуту своей жизни никогда не забудут Александр и Николай Талалихины. Не забудет ее и Малыш, хоть он и родился на свет только на другой день после расстрела Павлуши.

Мать и отец часто рассказывали всем трем сынам своим о погибшем брате.

— Сынки наши, — говорили они, вглядываясь в лица трех мальчиков и словно отыскивая в них родные черты первенца. — Сынки наши, будьте такими же смелыми, как Павлуша.

Герой Советского Союза комсомолец Н. Я. Тотмин только что вернулся из полета. В воздушном бою он протаранил фашистский самолет и благополучно приземлился на своем аэродроме. Боевые друзья горячо поздравляют его с победой.

— Я буду!— говорил Колька.

— Буду, мама!— отзывался Шурка.

— И я буду!— жарко восклицал самый младший, которого звали в семье «Титёк».

Титёк, Безмен и жук жили в зеленом городе Вольске, чижки. Колю прозвали «Безменом», Шурку — «Жуком».

Титёт, Безмен и Жук жили в зеленом кудрявом городе Вольске, у Волги. Василий Иванович и Вера Ивановна Талалихины продали в Тепловке избенку, переехали на житье в Вольск: здесь было много работы для штукатуров.

Рано утром Василий Иванович отправлялся на работу. С ним ходили все три мальчика. Титёк, маленький, коренастый, крепкий, как гриб боровик, шел вразвалочку сзади всех. Он нес ведро.

У Василия Ивановича были золотые руки. Он любил работать и умел все делать весело. Волжские штукатуры звали его «наш Чапай». Василия Ивановича, отца трех пилотов, и сейчас зовут московские рабочие «Чапаяем».

Василий Иванович называл сыновей, которые помогали ему штукатурить, «моя артель». Мальчики гордились этим. Не стеснясь перед

школьными товарищами своих испачканных известкой и краской рук и щек, они шагали по городу за отцом: впереди Шурка-Жук, за ним Колька-Безмен и позади Витя-Титёк.

— Эй, Титёк, — звали Витю Талалихина сверстники, — куда идешь?

— На работу. Не видишь, что ли? По штукатурному делу, — важно отвечал Титёк, гремя своим ведром.

У всех трех мальчиков были свои детские страсти. Шура был серьезный рыболов. Он мог долго просиживать над Волгой с удочкой в руке. Он возвращался домой только к вечеру с огромной связкой рыбы, которая называлась «косыри». За ним постоянно тащились кошки. Вереница кошек, которым Шура милостиво бросал мелкую рыбешку.

Коля и Витя были страстными голубятниками. Часами сидели они на своей старой высокой голубятне, запуская голубей и следя за их полетом. Кто знает, может быть, именно здесь зародилось у братьев желание стать летчиками...

Мальчишки росли крепкими, выносливыми, ловкими. Все трое были отчаянными озорниками. Но из трех озорников самым главным «озорничием», как любила говорить мать, был младший — Титёк. Непоседа, живой, как вьюн, ловкий, как белка, веселый, как скворец. Любил Витя лазить по деревьям, забирался на самые верхушки. Мать видела эти проделки, крестилась и говорила:

— Рисковый! Что же это ты делаешь? Ведь сорвешься — костей не соберешь.

Как-то Витя сорвался. Он вывихнул себе правую руку.

Семья собиралась обедать. Как ни в чем не бывало пришел Титёк. Сел за стол. Правая рука висела, как плеть. Он ее прятал. Мать заметила.

— Ты что руку прячешь, озорничие?

— Да ничего, мама, — весело ответил Витя. — С чем у нас сегодня похлебка?

— Ты мне зубы-то, милый, не заговаривай! Покажи руку. Что с рукой?

— Сломал, кажется, — смущенно ответил Витя.

Когда рука зажила, Малыш снова принялся лазить по деревьям. Потом появилось новое увлечение — стрелять из самодельного лука. Стреляли все три брата. Особенно любили стрелять Витя и Коля.

Вите Талалихину частенько влетало от отца и матери.

Бывало нальет в бутылку воды с известкой, зароев эту бутылку в песок. Трах! Выстрел. Бутылка лопнула. Летит песок во все стороны.

— Взрыв! — кричит восторженно Витька.

— Я тебе покажу взрывы устраивать, озорничие! — крикнет всердцах мать и отдерет его больно за ухо.

В характере Витьки Талалихина начались некоторые перемены с того дня, когда он примчался из школы с красным галстуком, повязанным прямо на голой загорелой шее.

— Мам! Пап! Пионер я... Так что вот, значит, теперь... пионер я! — выпалил Витька, захлебываясь от волнения.

— Что же теперь-то? — усмехнулся Василий Иванович, любясь воинственной физиономией сына.

— Так что теперь, значит, вот... — загадочно улыбаясь, повторил Витя.

— Теперь держись, Титёк, зададут тебе пионеры перцу! — сказал отец.

В этот вечер особенно долго и хорошо рассказывали отец и мать ребятам о расстрелянном кулачьем и белыми офицерами Павлуше.

— За тебя, Титёк, погиб Павел! Слышишь, глупый, за тебя!

Витя слушал серьезно, жадно; карие его глаза горели.

Вся босоногая команда надела красные пионерские галстуки. Это были первые пионерские отряды в городе Вольске. Костры и шалаши в лесу, рыбалки, разговоры о будущем, мечты о покорении Марса, первая модель самолета, сделанная руками Витьки...

Учились братья хорошо. У Витьки была чудесная, редкостная память.

В городе открылась летная школа. В небе зажужжали самолеты. Лежа с товарищами на обрывистом берегу Волги и задрав нос к небу, Витя прислушивался к жужжанию самолетов.

Скоро он объявил, что будет летчиком. Это было еще неосознанное желание. Все мальчишки хотели быть летчиками. Все до одного. Дом Талалихиных теперь был завален стружками, обрывками бумаги, старой проволокой. Братья, серьезные, нахмуренные, важные, яростно строили межпланетные воздушные корабли.

— Ну, полетела наша артель! — шутил Василий Иванович.

Вера Ивановна радовалась тишине, возникшей в доме.

Братья сооружали свои самолеты в глубочайшем молчании, которое только изредка нарушалось короткой ссорой из-за молотка или клея.

— Доброго здоровьяца, Василий Иванович! Как жизнь? Что новенького? Что-то ваших ребят не видать? — спрашивали соседи, к которым мальчишки вдруг перестали лазить за яблоками.

— На Марс летим, — отвечал штукатур, весело подмигивая в сторону своего дома: там на полу, сопя носами, трудились братья Талалихины.

Семья Талалихиных перебралась в Москву. Василий Иванович поступил работать штукатуром на Мясокомбинат.

Витя Талалихин приехал в Москву четырнадцатилетним крепышом-подростком. Загорелое и обветренное лицо. Жадные глазищи. Впервые увидели эти глаза столицу, которая потом стала ему родным домом.

Малыш поступил в ФЗУ Мясокомбината. Малыш стал шпигорезом. Он деловито учился и работал в цехе. И очень скоро стал любимцем не только всех фабзайцев, но и рабочих, которым нравилась его веселость, живость, выносливость, его готовность отдать товарищу последнюю горбушку хлеба.

Снова Малыш стал вожаком ватаги. Теперь это была ватага подростков. За ним, за Витькой Талалихиным, шла эта ватага на футболь-

ные матчи, на турники, на московские крыши, откуда сбрасывал юный шпигорез свои парашюты.

Однажды Малыш забрел в клуб комбината. Здесь рабочие репетировали спектакль «Платон Кречет». Роль старого врача Бублика никому не удавалась. Малыш слушал-слушал и, смущенно покашливая, предложил сыграть Бублика. Рабочие хохотали: этакий шестнадцатилетний шпингалет хочет играть старика, да еще доктора! Фаина Петровна Ольшаная, организатор культурной работы в цехах (потом она стала большим другом летчика), выгнала Витьку и всю ватагу его приятелей.

Витя был упрям, как всегда. Он все-таки выучил роль Бублика и заставил себя выслушать. С первых же слов, произнесенных Витей Талалихиным, драмкружковцы поняли, что это его, именно его роль. На спектакле Малыш играл Бублика с таким чувством, так наивно и чисто, что зал был в восторге.

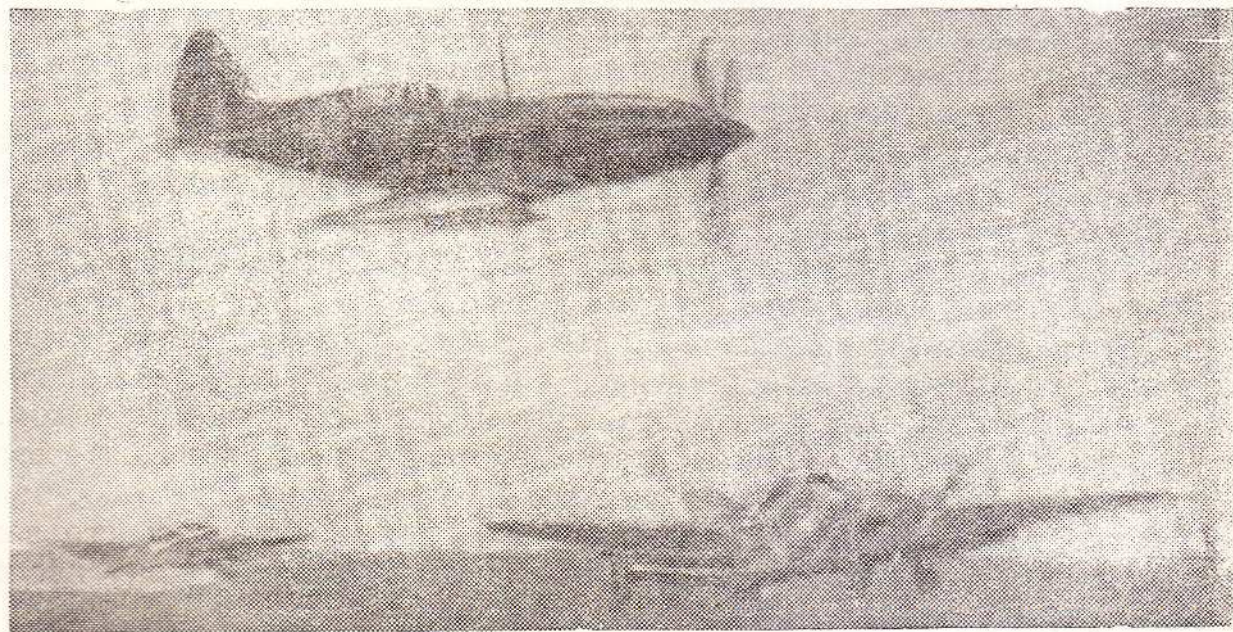
С этого дня на Мясокомбинате стали звать юного шпигореза Талалихина «Бубликом» или «Терентием Осиповичем». Бесконечное количество раз сыграл Талалихин свою роль.

Ольшаная принялась воспитывать Бублика. Витя стал читать книги, знакомился с музыкой и живописью. Любимыми его книгами были книги о гражданской войне и летчиках. Из рук Ольшаной получил он первую книжку о великом советском летчике Валерии Чкалове. Молодой шпигорез влюбился в Чкалова. В нем он нашел какие-то свои черточки. Это был герой его отрочества.

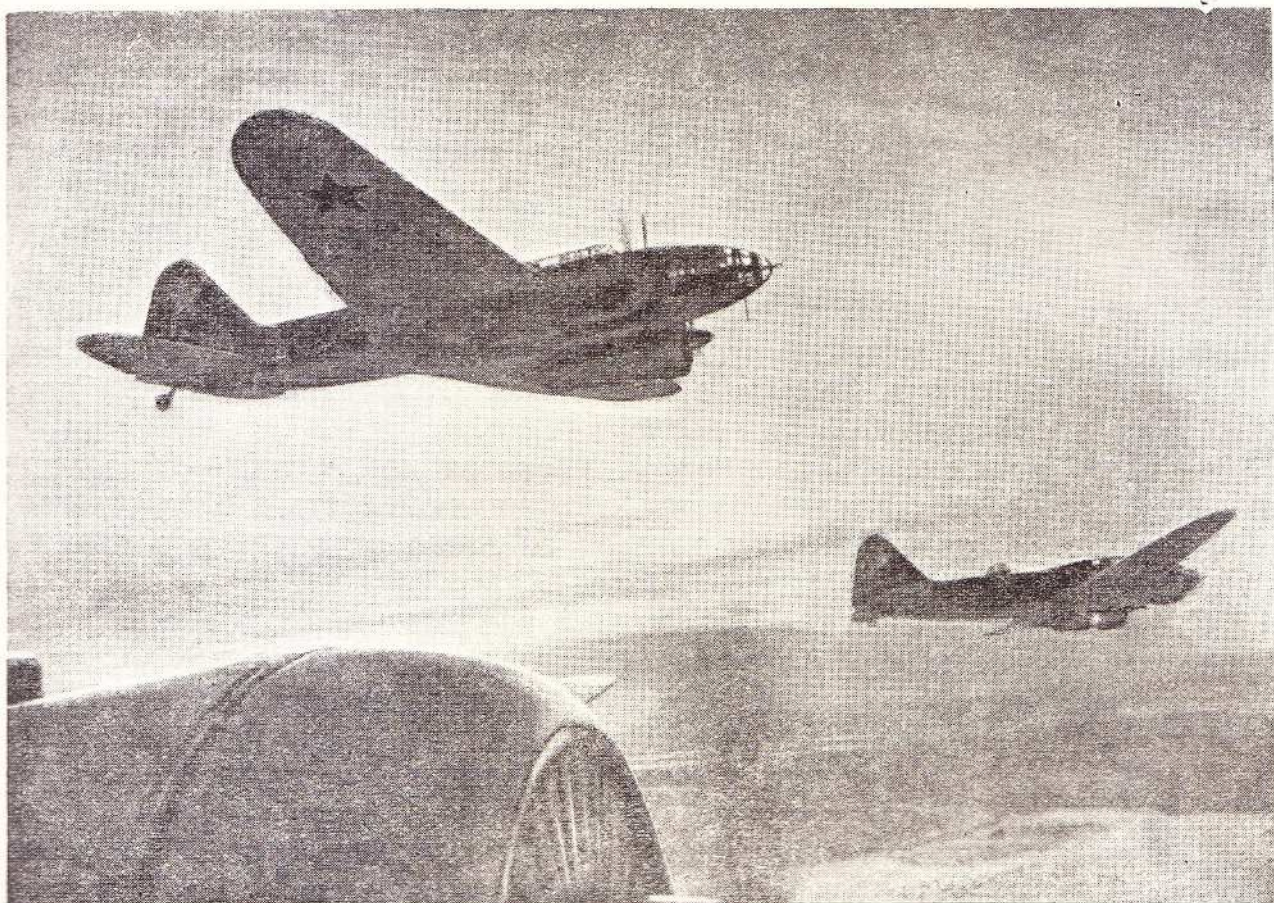
— Мы оба с Волги, — говорил он радостно ребятам, — мы рисковые!

— С Волги-то с Волги, да ты колбасник, а он пилот!

Виктор злился.

Сопровождающий истребитель уже в воздухе. Пикирующие бомбардировщики скоро тоже оторвутся от земли и понесут свой смертоносный груз на запад.

Машины легли на боевой курс. Мощные бомбовые удары обрушат они на головы фашистских разбойников.

Шло время. Призвали Шуру-Жука в ряды Красной Армии. Шура попросился в авиацию. Мать встревожилась:

— Опасное дело, сынок.

— Мать, — волнуясь, ответил Александр, — не ты ли учила нас быть смелыми, как Павел?

— Пусть летает, — сказал Василий Иванович.

Когда Александр приехал в отпуск в синем с голубыми петлицами френче, Витя даже застонал от восхищения и зависти.

— Мама, и я хочу!

— Сиди ты, Титёк, время твое не пришло! — прикрикнул отец.

У Коли-Безмена тоже загорелись глаза. Однажды он получил в пехе своем билет на право полета на самолете-гиганте «Максим Горький». После полета вернулся сам не свой.

— Уйду летать! — заявил он родителям.

И добился своего. Комитет комсомола строительства комбината уважил его просьбу и отправил в гидролетную школу.

Они остались втроем: отец, мать и Витька. Малыш сидел пригрозившись. Шумно вздыхал. Потом хлопнул дверью, ушел...

— Мать, а ведь и этот улетит, честное слово, улетит! — с затаенной радостью воскликнул Василий Иванович.

— Да что ты еще, отец! Вот тоже мелет, сам не знает что. Не пушу я Виктора никуда. Пусть хоть один при мне на земле будет. Ведь малолеток он!

Через три дня Виктор бомбой влетел в деревянный барак, где жила в то время семья Талалихиных.

— Записался! Летать буду! В аэроклуб записался! Летать буду! Честное пионерское...

Мясокомбинат помог юному шпигорезу и устроил его в аэроклуб. Занимался Малыш усердно и с первых же дней прославился смелостью.

Командиры долго думали о способном Талалихине. Летает прекрасно, но какой же пожар в голове!

— Надо воспитывать парнишку, — сказал командир, — надо помочь ему разобраться, где начинается настоящая смелость, а где ухарство.

Комсомол! Вот кто должен взяться за этого неугомонного парня.

Малыш вступил в ряды комсомола.

С этого дня за Виктора Талалихина взялись комсомольцы. Неотступно следили за каждым его шагом, как умели — учили, как умели — ругали, как умели — хвалили. И все вместе ходили смотреть на его полеты.

Пришел день, и Малыш горячо распростился с товарищами-шпигорезами, обнял своего лучшего друга, слесаря Мишу Белоказанцева, и по комсомольской путевке поехал в летную школу имени Чкалова. Комсомольцы-пищевики передали Виктора Талалихина комсомольцам-пилотам.

Вот тут-то и началась настоящая, серьезная летная и комсомольская жизнь Малыша. Учился он отлично.

— Этакий малыш — и такие показатели! — говорил капитан Баулин, довольный. Капитан Баулин и командир группы лейтенант Павел Коптяев были учителями Талалихина.

Когда в Малыше начинал «играть бесенок», его крепко пробирали комсомольцы. Были дни, когда Малыш хмурился. Был день, когда он получил от комсомольской организации строгий выговор. Потом выговор сняли за отличные успехи и отличную дисциплину.

Но в те часы Талалихин бурно переживал комсомольские уроки. Его обуздывали, как дикую степную лошадь, а ему казалось, что ему мешают летать, сковывают его силу, его смелость.

— Как же Чкалов? Как же Чкалов?.. — негодовал он.

— Ты, пожалуйста, за Чкалова не прячься, ты сам себя создавай, — строго говорили товарищи-комсомольцы.

С какой благодарностью в дни финского фронта вспоминал истребитель Виктор Талалихин товарищей-комсомольцев! Да и после этой горячей ночи с 6 на 7 августа он их вспомнил. Это они помогли ему вырасти в зрелого пилота, умеющего управлять своей волей и чувствами.

Малыш хорошо сдал выпускной экзамен и пришел в летную эскадрилью. Майор Михаил Иванович Королев, опытный и заслуженный летчик, стал его учителем и начальником. Майору Королеву понравился юный горячий истребитель-комсомолец. Многому научил майор Малыша.

А на финском фронте Малыш спас майора от смерти. Виктор Талалихин в боях с белофиннами сделал 47 боевых вылетов. Он получил уже в те дни орден Красной Звезды.

Своего-командира Малыш спас так. Он и майор полетели на штурмовку врага. Летят, расстреливают пехоту белофиннов. Вдруг Малыш замечает: по майору Королеву, по его любимому учителю, бьют с земли. Со всех сторон летел свинцовый огонь. Малыш не раздумывал долго. С малых лет он был верным товарищем. Он прикрыл своей машиной майора, взял огонь на себя. Он вернулся на аэродром на изрешеченном пулями самолете. Но был жив, а главное — был жив майор.

— Спасибо, Малыш!

Михаил Иванович Королев прижал к сердцу молодую голову ученика.

В боях с белофиннами Виктор Талалихин потерял своего хорошего товарища, молодого истребителя, татарина Гумара Аюпова. В машину Гумара попал снаряд врага. Что-то отлетело от самолета, самолет рухнул в озеро.

Ночью Малыш и другие пилоты снова полетели к озеру.

— Пусть он мертв, но мы его возьмем, мы отдадим последний долг дорогому товарищу, — сказал Малыш.

Гумар оказался жив, хоть и тяжело ранен в голову, в грудь, в живот.

— Профессор, — умолял Малыш старого хирурга, — спасите Гумара!

Это было трудно, но старый профессор, сам раненный, спас Гумара.

И вот, после всего, после того, как Гумар улыбнулся уже и прошептал: «Живем, Малыш» и Малыш ответил ему: «Живем, живем, жук дорогой», фашисты разбомбили санитарную палатку. Гумару оторвало голову.

Слова проклятия вырвались из уст Малыша. У трупа комсомольца Гумара вся эскадрилья поклялась отомстить за молодую жизнь.

Через час после гибели друга Малыш написал заявление о приеме его в ряды коммунистической партии.

Вот кто такой Герой Советского Союза Виктор Талалихин. Вот откуда взялась в нем эта богатырская сила, эта железная воля, эта страстная непримиримость к подлым врагам трудящегося человечества, это благородное презрение к смерти.

Вот почему, увидя черного фашистского ворона, Виктор Талалихин без колебаний вскричал:

— Иду на таран!

...Свидание Малыша с отцом и матерью после героического боя в ночь на 7 августа произошло словно в сказке.

Вера Ивановна и Василий Иванович пошли вечером, как обычно, в клуб Мясокомбината. Они шли молча, эти два старика. Они не решились спрашивать друг друга о своих сынах.

Мать села на диванчик, слушала радио и думала о сыновьях.

И вдруг по радио рассказали о молодом герое — о таране Талалихина. Рассказали коротко. Шесть-семь фраз... Радио смолкло. Вера Ивановна приподнялась с дивана и снова упала на него. Эта крепкая, крупная, сильная волжская женщина стала вдруг слабой, как ребенок.

— Ивановна, твой? — подбежав к ней, спросили работницы.

— Мой, — прошептала мать побелевшими губами.

— Который?

— Не знаю.

Мать трясло, как в лихорадке. Прибежал Василий Иванович. У него дрожали руки.

— Имя-то, имя не слышали?

— Никто не запомнил.

— Бомбардировщик аль истребитель?

— Истребитель.

— Титёк! — воскликнул отец.

Радио молчало. Он метнулся к телефону. Куда звонить?

Женщины собрались вокруг матери.

Толком никто ничего не знал.

— Витенька, кровь ты моя, последышек ты мой родной, малолеток ты мой! Ты ли это? — по-волжски приговаривала мать. Она до сих пор считала своего Виктора «малолетком».

— Обязательно я, мамаша. Вот я, мамаша, налицо! — раздался вдруг громкий голос.

В дверях стоял Малыш. Одна рука его была забинтована. Карие веселые глаза вспыхивали золотыми лукавыми огоньками.

— Витька! — закричал Василий Иванович.

Слезы покатались из глаз старого штукатура. А у матери глаза тотчас же высохли.

Удивительная женщина Вера Ивановна! Она встала во весь рост, оправила на себе примятое платье, платок и плавной, гордой походкой приблизилась к сыну.

— Ты что руку-то прячешь, озорничище? — сказала она так строго, как десяток лет назад, когда Титёк, летая с дерева на дерево, вывихнул себе руку.

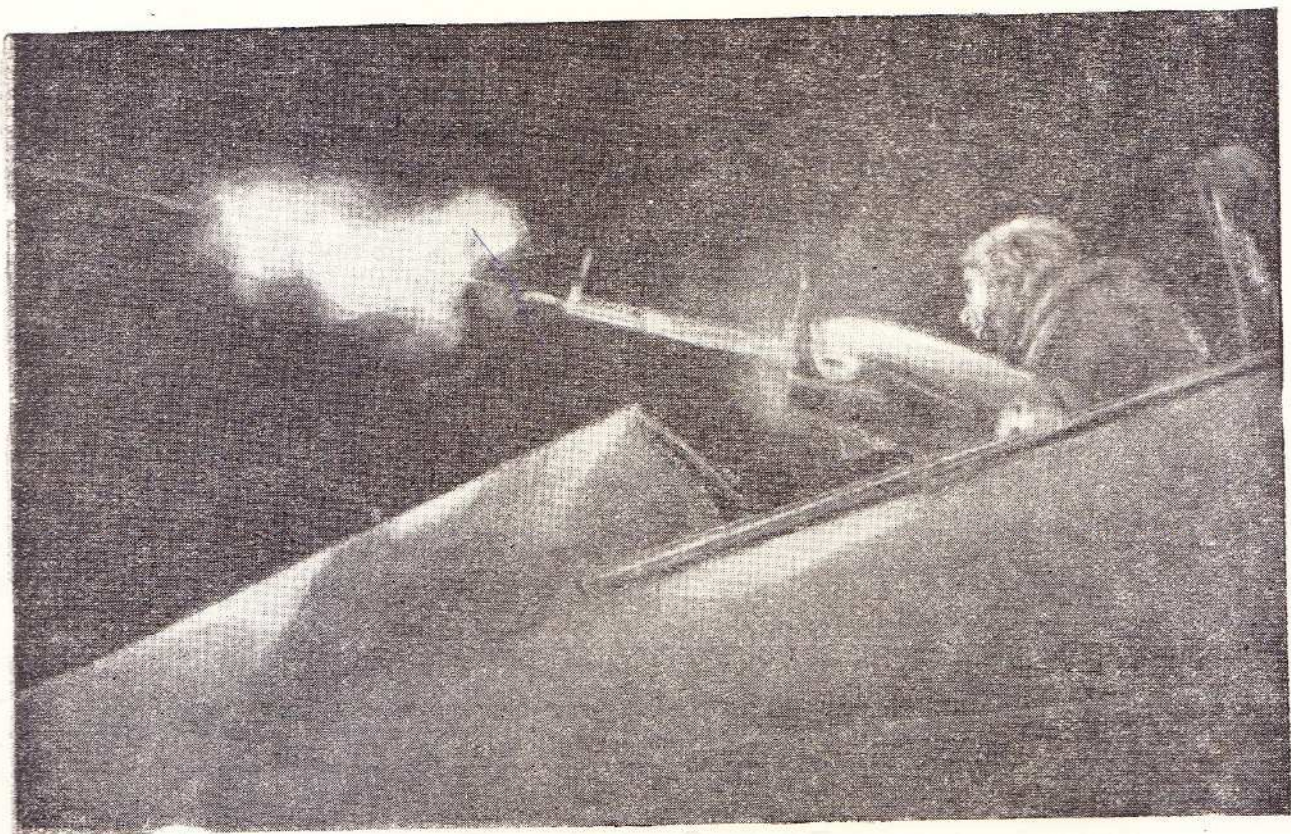
— Вот она, рука, мамаша, работает! — засмеялся Виктор. Он обнял мать, и она расцвела, как семнадцатилетняя девушка.

— Ну и озорничище ты у меня, ну и озорничище! Да что ж ты наделал такое?.. Ну и озорничище!.. — смеясь и плача от счастья, повторяла мать.

— Мать, да за что ты меня бранишь-то? — растроганно сказал летчик, прижимаясь щекой к родной материнской щеке. — Папаша, никак я матери нашей не ужогу. Протаранил по ее заданию фашистского «асса», а она меня все бранит... Заступитесь, папаша!

Василий Иванович улыбнулся сыну. Со всех сторон рабочие и работницы обступили Малыша.

— Да пустите вы меня-то! Господи, отца родного не пускают!.. — почти застонал Василий Иванович, пробираясь сквозь толпу, окружившую героя.

На ночном бомбардировщике. Огонь по воздушному мишеннику

— Ну, здравствуйте, Виктор, — сказал торжественно Василий Иванович, приблизившись к сыну и называя его почему-то на «вы». — Слышим — Талалихин, а какой Талалихин — не знаем. По моим расчетам Колька или Шурка в герои-то раньше должны выйти, а выходит, вы, Виктор Васильевич, их опередили. Спасибо, штукатур! — И отец поцеловал сына в губы.

К Малышу потянулись руки старых и молодых рабочих.

— Виктор Васильевич, спасибо тебе от нашего завода, от нашего Мясокомбината за оборону красной столицы нашей, Москвы... — начал кто-то торжественно.

— Какой я вам Виктор Васильевич! Будет вам! — засмеялся летчик.

В дверях стоял закадычный и верный друг юности героя — Михаил Белоказанцев, комсомолец-слесарь. Он только что пришел из цеха. Его лицо было выпачкано машинным маслом. Волнуясь, он теребил пышные свои волосы. Смущенно кашлянул.

— Мишка! — радостно воскликнул Малыш. — Мишка, чорт, жук!

— Витька!

Юноши расцеловались. Старики-рабочие, одобрительно крякнув, поглаживали усы.

— Погодки наши... Как же... Вместе по чердакам лазили-то... — сказал кто-то из них.

Рабочие Мясокомбината радовались, как малые дети. Герой Советского Союза был их бывший рабочий, простой колбасник, которого они

учили и журили так, что с него по семь потов сходило. И вот он распорол брюхо проклятому фашистскому стервецу, вон каких четырех волков свалил!.. И главное, чуть не прямо с поля боя, от всех командиров, от всего начальства, от всего почета приехал к ним на завод, к отцу, к матери...

Малыш извлек из кармана тусклый железный крест, нашивку за Нарвик, фамильное кольцо подполковника, железную этикетку, снятую с самолета. На этикетке значилось: «Хейнкель-111».

— Вот смотрите, — сказал он, смущаясь и радуясь.

★

Двадцатитрехлетний юноша, Герой Советского Союза, стал командиром эскадрильи. Но для молодежи он остался попрежнему простым и веселым Малышом.

С восторгом слушали однажды ночью молодые партизаны Белоруссии его горячее слово, обращенное к ним. Это было в лесу. Партизаны сидели у радиоприемника, жадно ловя слова из родной Москвы. Вдруг лицо Анны Шубенок вспыхнуло. Далекий голос диктора произнес:

— Слушайте слово Героя Советского Союза, летчика-истребителя Виктора Талалихина к партизанке Анне Шубенок.

— Анна! Это тебе... Анка! — воскликнули товарищи.

Но Анна уже приникла всем лицом своим к радиоприемнику. Она замерла. И все замерли. Стало так тихо, что слышно было, как шелестят ветви деревьев.

— Дорогой товарищ Анна Шубенок! Ты слышишь меня? Говорит летчик-истребитель комсомолец Виктор Талалихин...

— Слышу, — невольно вырвалось из уст Анки-партизанки. Сердце ее забилось часто-часто. Кровь прилила к вискам.

— Ты меня никогда не видела, и я тебя не видел, но я, молодой пилот, и ты, юная партизанка, — родные люди, фронтовые товарищи. Крепко жму тебе руку, Анна! От имени всех своих друзей, советских летчиков, говорю: спасибо...

Анна Шубенок покраснела. Радость горячей волной залила ее сердце.

— ...Анна Шубенок! Я знаю, что ты своими пулями уложила многих фашистов. Горжусь тобой. Знай, что когда ты — пешком ли, на коне ли, в лесу ли, в болоте ли — пробираешься, чтобы выполнить боевое задание своего партизанского отряда, я и мой ястребок — мы с тобой. Нам светят одни и те же звезды, Анна! Над нами одно и то же советское небо. Ты слышишь меня, Анна?

— Слышу! — уже совсем громко вскричала Анна Шубенок. Но послышался какой-то крик, свист. Больше не понимала девушка слов летчика. Что же это? Что это? Какая обида! Ведь так дорого каждое слово...

И вдруг снова услышала она горячие слова молодого пилота:

— ...и даже если нам с тобой придется погибнуть за родную землю, за человеческое счастье, то наши товарищи, советские юноши и девушки, помянут нас добрым словом. Они скажут: не зря занимала место на земле Анна Шубенок, не зря коптил небо Виктор Талалихин.

А в сентябре 1941 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, состоялся антифашистский митинг советской молодежи.

И снова услышала молодежь страстный голос Малыша:

«Каждый на своем посту — громи своей работой врага!

Каждый на своем посту — учись разить врага в самое сердце!

Поднимайся, молодежь! Не отдадим фашистским бандитам своей юности.

Поднимайся, молодежь! Мы должны отобрать назад наши родные советские города и села, временно попавшие в лапы врага.

Поднимайся, молодежь! Мы обязаны отомстить за кровь, пролитую советскими юношами, девушками, детьми».

Виктор Талалихин звал молодежь смело и решительно идти на таран гитлеровской банды.

Честь и слава таким советским юношам-борцам, как Виктор Талалихин!